

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
С13

Françoise Sagan
AIMEZ-VOUS BRAHMS...
© Editions Julliard, Paris, 1959

Перевод с французского *Надежды Жарковой*

Оформление *Андрея Саукова*

В оформлении обложки использован кадр из фильма
«Любите ли вы Брамса?» («Goodbye Again», 1961 г.):
INTERFOTO / Alamy / DIOMEDIA

Саган, Франсуаза.
С13 Любите ли вы Брамса? / Франсуаза Саган ;
[пер. с фр. Н. М. Жарковой]. — Москва : Эксмо,
2018. — 160 с.

ISBN 978-5-699-95726-2

Обреченная любовь пылкого и взбалмошного юноши к зрелой женщине, измученной равнодушием и изменами любовника, камерный танец двух пар на долгом и порою грустном пути в вечность — такая простая и такая сильная классика французской литературы XX века в исполнении Франсуазы Саган.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Жаркова Н., наследники.
Перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-699-95726-2

Глава 1

Приблизив лицо к зеркалу, Польша неторопливо пересчитывала, как пересчитывают поражения, пометы времени, накопившиеся к тридцати девяти годам, не испытывая ни ужаса, ни горечи, неизбежных в таких случаях, напротив — с каким-то полурассеянным спокойствием. Как будто эта живая кожа, которую слегка оттягивали два пальца, чтобы обозначилась морщинка, чтобы проступила тень, принадлежала кому-то другому, другой Польша, страстно заботившейся о своей красоте и нелегко переходившей из категории молодых женщин в категорию женщин молоджавых, — и эту Польша она узнавала с трудом. Она остановилась перед зеркалом, просто чтобы убить время, и вдруг ей открылось — при этой мысли она даже улыбнулась, — что именно время-то и сжигает ее на медленном огне, убивает исподволь, обрушиваясь на тот облик, который, как она знала, нравился многим.

Роже собирался прийти к девяти часам: сейчас семь — значит, времени у нее достаточно. Достаточно времени, чтобы вытянуться на постели, закрыть глаза, не думать ни о чем. Дать себе роздых. Дать ослабнуть напряжению. Но о чем же она так страстно, до изнеможения думала весь этот день, если к вечеру ей необходимо отдохнуть от своих мыслей? Ей была хорошо знакома эта беспокойная апатия, которая гнала ее из комнаты в комнату, от окна к окну. Так бывало в детстве, в дождливые дни.

Она вошла в ванную комнату, нагнулась, попробовала, достаточно ли теплая вода, и жест этот сразу же напомнил ей другое... Было это лет пятнадцать назад. Она была с Марком, они во второй раз проводили вместе каникулы, и уже тогда она чувствовала, что это ненадолго. Они шли на паруснике Марка, парус бился по ветру, как беспокойное сердце. Ей было двадцать пять. И внезапно ее затопило счастье, она принимала весь мир, все в своей жизни принимала, поняв, словно в каком-то озарении, что все хорошо. И, желая скрыть сияющее лицо, она перегнулась через борт и окунула пальцы в быстрые струйки воды. Маленький парусник накрепился, Марк кинул на нее невыразительный взгляд — только он один умел так смотреть, — и сразу же на смену счастью пришла ироническая

усмешка. Разумеется, она и после бывала счастлива с другими или благодаря другим, но ни разу таким полным счастьем, которое ни с чем не сравнимо. Но со временем воспоминание об этой минуте перестало радовать — превратилось как бы в память о нарушенном обещании...

* * *

Роже придет, она ему все объяснит, попытается объяснить. Он скажет: «А как же иначе» — с тем удовлетворением, какое он испытывал всякий раз, когда ему удавалось уличить жизнь в передержках, и тогда он, чуть не ликуя, пускался рассуждать о бессмысленности существования, об упрямом желании его длиться. Только у него все это восполняется неистребимым жизненным, несокрушимым аппетитом к жизни, и в глубине души он доволен, что существует на свете, и расстаётся он с этим чувством, только когда засыпает. Он и засыпал сразу, положив ладонь на сердце, даже во сне, как в часы бодрствования, прислушиваясь к биению своей жизни. Нет, не сможет она втолковать Роже, что она устала, что по горло сыта этой свободой, ставшей законом их отношений, этой свободой, которой пользуется лишь он один, а для нее она оборачивается одиночеством; не сможет Поль сказать ему, что порой чувствует себя одной из

тех ненасытных собственниц, которых он так ненавидит... Вдруг ее пустая квартира показалась ей пугающе унылой, ненужной.

В девять позвонил Роже, и, открывая ему, увидев в проеме двери его улыбающееся лицо, его, пожалуй, чересчур крупную фигуру, она в который раз покорно подумала, что, видно, это ее судьба и что она его любит. Он обнял ее.

— Как ты мило оделась... А я соскучился по тебе. Ты одна?

— Да. Входи.

«Ты одна?..» А что бы он стал делать, если бы она ответила: «Нет, не одна, ты пришел некстати»? Но за шесть лет она ни разу не сказала ему этих слов. Он не забывал ее об этом спрашивать, иногда даже извинялся, что беспокоил, — просто из хитрости, за которую она упрекала его про себя больше даже, чем за его непостоянство. (Он не желал даже допускать мысли, что виноват в ее одиночестве и в том, что она несчастна.) Она улыбнулась ему. Он откупорил бутылку, налил два стакана, сел.

— Присядь, Поль. Где мы будем обедать?

Она села возле него. Вид у него был усталый, у нее тоже. Он взял ее руку, пожал.

— Я совсем погряз в разных трудностях, — сказал он. — Все идет по-дурацки, кругом одни

болваны, растяпы, просто даже невероятно. Эх, пожить бы в деревне!

Она рассмеялась.

— Ты бы там соскучился без Кэ-де-Берси, без своих складов, грузовиков. И без ночных шатаний по Парижу...

При последних словах он тихо рассмеялся, потянулся всем телом и устало откинулся на спинку дивана. Она не обернулась. Она смотрела на свою руку, лежавшую на его широкой ладони. Все она знала в нем: густые волосы, начинавшие расти низко, чуть ли не с половины лба, любое выражение выпуклых голубых глаз, складку губ. Знала его наизусть.

— Кстати, — проговорил он, — кстати, о моих безумных ночах. Меня тут на днях забрали в полицию, как мальчишку, я подрался с одним типом... Это в мои-то сорок лет... В полицию, представляешь?

— А почему ты дрался?

— Не помню уж. Ему здорово досталось.

И он вскочил на ноги, как будто воспоминание об этой схватке воодушевило его.

— Знаю, куда мы пойдем, — объявил он. — В «Пьемонтия». А после потанцуем. Если, конечно, ты согласишься признать, что я танцую.

Франсуаза Саган

— Ты не танцуешь. Ты просто ходишь, — сказала Поль.

— Не все придерживаются такого мнения.

— Если ты имеешь в виду тех бедняжек, которые на тебя молятся, тогда ты, конечно, прав, — заметила Поль.

Оба расхохотались. Мимолетные похождения Роже были любимым предметом их шуток. Прежде чем взяться за перила лестницы, Поль прислонилась на минутку к стене. Она вдруг упала духом.

В машине Роже она рассеянно включила радио. В мертвенном свете щитка приемника она на секунду увидела свою кисть, длинную и выхоленную. Под кожей шли жилки, подбираясь к пальцам, сплетаясь в беспорядочный рисунок. «Наподобие моей жизни», — подумала она, но тут же решила, что подобия нет. У нее — ремесло, которое она любит, прошлое, о котором она не жалеет, добрые друзья. И прочная связь. Она повернулась к Роже.

— Сколько уж раз я включала в машине радио, отправляясь с тобой обедать?

— Не знаю.

Он искоса взглянул на нее. Наперекор прошедшим годам и уверенности, что она его любит, он был до сих пор до странности чувствителен к ее настроениям, был вечно начеку. Словно

в первые месяцы... Она начала было свое обычное: «Помнишь?» — но тут же спохватилась, решив сегодня вечером не распускаться, чтобы не впасть в излишнюю сентиментальность.

— Тебе это кажется банальным?

— Нет, я сама себе порой кажусь банальной.

Он протянул к ней руку, она обхватила ее ладонями. Вел он машину быстро, знакомые улицы поспешно стлались под колеса. Париж поблескивал под осенним дождем. Он засмеялся.

— Вот я думаю, почему я вожу так быстро. По-моему, просто стараюсь разыгрывать из себя молодого человека.

Она не ответила. Сколько она его знала, он всегда старался показать, что он молодой человек, — он и был «молодым человеком»! Только недавно он признался ей в этом, и его признание даже испугало Поль. Все страшнее становилась для нее роль поверенной, в которую она исподволь втянулась во имя взаимного понимания, во имя любви. Он был ее жизнью, хотя и забывал об этом, и она сама помогала ему забывать с весьма достохвальной скромностью.

Они спокойно обедали, разговор шел о затруднениях, которые испытывали тогда транспортные агентства, такие, как у Роже; потом она рассказала ему две-три забавные истории о ма-

газинах, где работала декораторшей. Одна клиентка от Фата категорически потребовала, чтобы Поль занялась ее квартирой. Американка, и довольно богатая.

— Ван ден Беш? — переспросил Роже. — Постой-ка, припоминаю. Ах да...

Поль вопросительно приподняла брови. Вид у него был беззаботный, как всегда при воспоминаниях определенного рода.

— Я ее в свое время знал. Боюсь, что еще до войны. Она целые дни торчала в кафе «Флоранс».

— С тех пор она успела выйти замуж, развестись и так далее и тому подобное.

— Да-да, — мечтательно произнес он. — Ее звали, как же ее звали...

Поль почувствовала раздражение. Ей вдруг захотелось воткнуть вилку в его раскрытую ладонь.

— Как ее звали, меня не интересует, — сказала Поль. — Думаю, у нее достаточно денег и ни капли вкуса. Как раз то, что мне требуется, чтобы существовать.

— А сколько ей сейчас лет?

— Шестой десяток пошел, — холодно ответила Поль и, заметив выражение его лица, рассмеялась. Он перегнулся через столик, пристально поглядел на нее.

— Страшно с тобой, Поль. Тебе лишь бы меня унижить. Но все равно я тебя люблю, хоть и не следовало бы.

Ему нравилось разыгрывать из себя жертву. Поль вздохнула.

— Как бы то ни было, завтра я пойду к ней на авеню Клебер. Мне просто до зарезу нужны деньги. Да и тебе тоже, — живо добавила она, увидев, что он протестующе поднял руку.

— Поговорим о чем-нибудь другом, — предложил он. — Давай лучше потанцуем.

В ночном ресторане они сели за маленький столик далеко от танцевальной площадки и молча смотрели, как мелькают бледные лица танцующих. Она положила свою ладонь на его руку, она чувствовала себя под его крылом, она так к нему привыкла. Потребовалось бы слишком много усилий, чтобы так же хорошо узнать кого-нибудь другого, и в этой уверенности она черпала невеселое счастье. Они пошли танцевать. Он крепко обхватил ее талию, закружил по площадке наперекор ритму, и видно было, что он очень собой доволен. Она была счастлива.

Домой они возвратились на машине. Роже проводил ее до подъезда и обнял.

— Ну, отдыхай, спи спокойно. До завтра, дорогая.

Он слегка коснулся губами ее губ и пошел

обратно к машине. Она помахала ему рукой. Все чаще и чаще он предоставлял ей «спать спокойно». Квартира была до ужаса пустая. Поль тщательно прибралась и только потом присела на кровать, сдерживая слезы. Она осталась одна, опять одна и в эту ночь — среди несмятых простыней, хмурого спокойствия, сопутствующего долгой болезни. Лежа в постели, она машинально протянула руку, как бы желая коснуться теплого плеча, она удерживала дыхание, будто боялась спугнуть чей-то сон. Мужчины или ребенка. Не важно чей, лишь бы она была им нужна, лишь бы ее живое тепло помогало им спать и просыпаться. Но никому она по-настоящему не нужна. Разве что Роже, да и то временами... И то не по-настоящему. И не любовь это, а просто физиология — иногда она ощущала это. С горькой усладой она отдавалась своему одиночеству.

* * *

Оставив машину у подъезда, Роже решил пройтись. Он дышал всей грудью, постепенно ускоряя шаг. Ему было хорошо всякий раз после свиданий с Поль, он любил только ее. Но вот сегодня вечером, расставаясь с ней, он догадался и о другом — о ее печали — и не нашелся что сказать. Она словно о чем-то просила, просила

невнятно, но он остро почувствовал — просила то, что он не мог ей дать, никогда никому не мог. Конечно, следовало бы остаться у нее и провести с ней ночь: нет все-таки лучшего средства успокоить тревогу женщины. Но ему хотелось пройти пешком, пошататься по улицам, побродить. Хотелось слышать свои шаги на мостовой, подстерегать дыхание этого города, который он знал как свои пять пальцев; а возможно, он просто предвкушал случайную ночную встречу. Он направился в сторону набережной, туда, где горели огни.